

Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию со средствами
массовой информации Санкт-Петербурга

ББК 83.3 (2 Рос=Рус) 1я7
УДК 82.09 (07)
Л10

А. В. Лавров, С. С. Гречишкин
СИМВОЛИСТЫ ВБЛИЗИ
очерки и публикации

Лавров А. В., Гречишкин С. С.

Л10 Символисты вблизи. Очерки и публикации. — СПб: Изда-
тельство «Скифия», ИД «ТАЛАС» 2004 г. — 400 с.

ISBN 5-98620-003-9

С. С. Гречишкин и А. В. Лавров известны сегодня как одни из наиболее квалифицированных специалистов по истории русской литературы так называемого Серебряного века. Сборник «Символисты вблизи» включает их соавторские работы, посвященные жизни и творчеству крупнейших писателей-символистов — Валерия Брюсова, Андрея Белого, Александра Блока, а также статьи и публикации, вводящие в читательский обиход ныне малоизвестные имена, сыгравшие в свое время заметную роль в литературном процессе. Все работы, включенные в книгу, основаны на архивных материалах и историко-литературных фактах, прежде не бывших предметом специального рассмотрения. И все эти работы способны привлечь самого широкого читателя, интересующегося русским символизмом и желающего узнать новое и неведомое о его больших и малых предшественниках: они написаны просто и увлекательно, ничего при этом не упуская и не теряя в осмыслении сложных и неоднозначных проблем.

ББК 83.3 (2 Рос=Рус) 1я7
УДК 82.09.(07)

- © Издательский дом «ТАЛАС», 2004
- © Издательство «Скифия», 2004
- © Лавров А. В., 2004
- © Гречишкин С. С., 2004

ISBN 5-98620-003-9

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в
любой форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ АНДРЕЯ БЕЛОГО

(«План романа “Германия”»)

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в творчестве Андрея Белого намечался симптоматичный сдвиг, свидетельствовавший о его все усиливавшемся интересе к современности с ее насущными социальными проблемами.

В своих известных воспоминаниях «На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций» Белый воссоздал многочисленные эпизоды истории русской творческой интеллигенции начала XX в.; во многом сходную задачу он решал и в романе «Маски» (1932). Но вместе с тяготением к ретроспективному осмыслению пережитой исторической эпохи для него становилось характерным и настойчивое желание шагнуть в ногу со временем, внести свой посильный вклад в художественную летопись нового мира. В частности, открытие ДнепроГЭС Белый «пережил как событие», — отмечала его вдова¹. Событием для него были и произведения советской литературы — документы той эпохи. «Много читаю беллетристики. В совершенном восторге от романа В. Катаева “Время, вперед”; непременно прочтите», — писал он П. Н. Зайцеву².

С этой точки зрения большой интерес представляют нереализованные замыслы последних лет жизни Белого. Почти все они остались лишь в форме предположений. Так, в 1933 г. Белый собирался писать «производственный роман»³. Он намеревался также продолжить роман «Маски» (2-ю часть предыдущего романа «Москва»): «третий том в намерении автора должен нарисовать эпоху революции и часть эпохи военного

¹ Бугаева К. Н. Летопись жизни и творчества Андрея Белого // ГПБ, ф. 60, ед. хр. 107.

² Письмо от 19 июня 1933 г. // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 15. М.; СПб., 1994. С. 329 / Публикация Дж. Мальмстада. Укажем также обстоятельные статьи Белого о романе «Энергия» Ф. В. Гладкова («Энергия» // Новый мир. 1933. № 4. С. 273–291) и о поэме Г. Санникова «В гостях у египтян» (Поэма о хлопке // Новый мир. 1932. № 11. С. 229–248).

³ «Весною и летом 1933 г. Андрей Белый неоднократно говорил о новой для себя форме творчества: производственном романе» (Бугаева К. Н., Петровский А. С., <Д. М. Пинес>. Литературное наследие Андрея Белого // Литературное наследие. Т. 27–28. М., 1937. С. 609). Ныне анализу этого замысла посвящена статья: Лауров А. В. «Производственный роман» — последний замысел Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. С. 114–134.

⁴ Белый Андрей. Маски. М., 1932. С. 5.

коммунизма; четвертый том обнимает эпоху конца нэпа и начала нового реконструктивного периода⁴.

Более конкретным и разработанным был другой замысел Андрея Белого — создать антифашистский роман. 14 октября 1931 г. он подписал договор с «Издательством писателей в Ленинграде» на роман «Германия»⁵; к этому моменту им был подготовлен обстоятельный «план» предполагавшегося произведения.

В очерке «О себе как писателе» (1933), написанном уже после прихода нацистов к власти в Германии (30 января 1933 г.), Андрей Белый сообщал о своем замысле: «Мое несчастье в том, что в процессе творчества передо мною не раз вставали образы, осуществляющиеся в действительности лишь через несколько лет по написанию книги; отсюда: смутность в передаче их (за отсутствием натуры) <...>. Осенью 31 года я давал конспект мной задуманного романа “Германия” Издательству Пис<ателей> в Ленинграде; фабула его рисовала фашистский заговор и преследования фашистами революционно настроенного интеллигента; с фашистами я никогда не встречался; фабула — смутный лейтмотив, вставший мне из воздуха берлинской жизни в 1922 году; напиши я роман в прошлом году, читатели бы воскликнули: “Это — пародия на Германию, оклеветывающая действительность!” Увы, — ужасные события последних недель показали правду моей фантастики»⁶. Высказывание Белого нуждается в уточнении.

⁴ *Белый Андрей*. Маски. М., 1932. С. 5.

⁵ Согласно договору, Белый обязался представить рукопись романа (до 15 печ. л.) в издательство не позднее 1 сентября 1932 г. (ГПБ, ф. 60, ед. хр. 3, л. 7-7об.).

⁶ Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 24 / Публикация В. Сажина. Впервые опубликовано в переводе на польский язык: *Wiadomosci literackie*. 1933. № 47, 29 октября. Ср. аннотацию романа, напечатанную «Издательством писателей в Ленинграде», в которой использованы начальные строки подготовленного А. Белым «плана»: «Белый А. Германия. 15 л<истов>. Т <ираж> 5000. Книга о Германии, раздавленной после войны, закончившейся Версальским миром, о ее растерявшемся обывателе, прищемленном между молотом революции и наковальной фашизма, о русской эмиграции и т. д.» (Советская книготорговля. 1931. № 2 (68), 5 декабря). Замысла романа «Германия» Белый касается в письмах начала 1930-х гг. к Г. Э. Сорокину (см.: *Лавров А. В.* Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 76–79), С. Д. Спасскому (см.: *Ново-Басманная*, 19. М., 1990. С. 652–656 / Подготовка текста В. С. Спасской. Вступ. статья, примечания Н. Алексеева), С. М. Алянскому (см.: *Лица*. Биографический альманах. Вып. 9. СПб., 2002. С. 108–115 / Публикация Джона Мальмстада).

К концу 20-х гг. фашизм в Германии представлял уже реальную угрозу. О фашистской опасности предупреждал, например, Лион Фейхтвангер в знаменитом романе «Успех», законченном еще в 1929 г. В этом романе, действие которого происходит в Баварии начала 20-х гг., вскрыты социальные корни фашизма, его растлевающее влияние на души людей, распространение в определенных слоях населения, преступная сущность, агрессивность и жестокость национал-социализма. Следовательно, подготовленный читатель, следивший за хроникой текущих событий, никак не мог бы воспринять фабулу задуманного Белым романа как «пародию на Германию» и «фантастику».

Судя по «плану», Белый предполагал в своем романе показать «гибель» Германии, вступившей после ноябрьской революции 1918 г. в эпоху классовых войн, и крах сознания главного героя произведения — Эраста — буржуазного интеллигента, затянутого в водоворот борьбы противоположных политических группировок. Белый хорошо знал культуру и быт Германии: в 1906 г. он жил в Мюнхене, а в 1921—1923 гг. — в Берлине. Однако несмотря на то, что он почти два года провел в послеверсальской Германии, приведенное высказывание из очерка «О себе как писателе» свидетельствует о его оторванности от «натуры», от политической подоплеки имевших место событий. Безусловно, это сказалось и на замысле произведения: упор в «плане» романа сделан на «драму сознания» героя. Между тем знаменательно стремление Андрея Белого широко охватить жизнь послевоенной Германии: влияние на нее революционной «пламенной России», роль левых социал-демократов-спартаковцев в общественном движении, поражение радикальных сил, тенденцию к фашизации страны. Белый подчеркивает, что связующим звеном «психологической» и «социальной» тем романа должно было явиться «сплетение приключений» в судьбе героя, «авантюрный сюжет», обнаруживающий аналогии с фабульной схемой, уже использованной в предыдущих романах — «Петербурге», «Москве» и «Масках».

В начале 1930-х гг. замысел Андрея Белого, сумевшего почувствовать всю опасность германского тоталитаризма для человеческой культуры, несомненно, был актуален, однако приступить к непосредственной работе над романом ему так и не пришлось, помешала, по словам писателя, «предельная нагрузка с литературной работой»⁷: в 1932—1933 гг. Белый был занят кропотливым трудом над исследованием «Мастерство Го-

⁷ Из письма Белого к А. С. Петровскому (середина марта 1932 г.) // Новый журнал. Кн. 122. Нью-Йорк, 1976. С. 160 / Публикация Роджера Кийза.

голя» и третьим томом воспоминаний «Между двух революций», увидевшими свет уже после его смерти.

«План» воспроизводится по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого (РГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 44; черновик — там же, оп. 2, ед. хр. 9).

План романа «Германия»

Задание романа «Германия» — дать картину жизни раздавленной после войны Германии и картину растерянности обывателя, прищемленного между молотом революции и наковальней фашизма. Вдоль терзаемой голодом страны рыскают международные авантюристы, агенты Антанты и всякой марки спекулянты. Падение курса использовано капиталистами высоковалютных стран; они — победители в покоренной провинции; восток Европы пылает; искры пожара зажигают уже крупные промышленные центры Германии. Но глаза ест дым огня, вырывающийся из пламенной России, овевая Германию и тень пламя огня перед глазами немецкого мещанина, бросая его в объятия фашизма; дым огня — русская эмиграция; зарисовать быт ее — задача автора. Недавние «герои» буржуазной Германии неспособны ни противостоять нажиму с запада и растлевающему влиянию русских эмигрантов, ни потушить революционное брожение внутри страны, и здесь — показ Германии на фоне зреющей в ней социальной революции.

Такая картина «гибели Германии» встает в сознании немецкого интеллигента, всем прошлым связанного с недавними «славными» традициями немецкой культуры и понимающего, что с ними покончено. Самопротиворечие влечет героя в бездну падения и морального обнищания.

Задача автора показать: «двух» немцев в «третьем» немце; один немец — немец эпохи Гете, поставивший перед Европой проблему культуры; другой — немец эпохи Бисмарка¹; это — или пангерманист, для которого мир — арена выявления немца и только немца; или капиталист, волящий захвата восточных рынков, экономического завоевания России, и использующий «высокую культуру» Германии начала XIX в. как сладкий дурман для поработанных; или это — ученый, самоуверенный крохобор-педант, измеряющий горизонты науки углом зрения мещанина.

Задача автора — показать перерождение этих двух немцев в «немца», выявленного в третьем немце; сквозь забрало «методолога-пангерманиста», опущенное на подлинное лицо, выступает гримаса сумасшедшего,

ибо корни немецкой буржуазной трезвости гнездились в хаотическом анархизме, принявшем форму таимого психического заболевания; сквозь «идеализм» доброго прошлого выглядывает беспринципный авантюризм, и в безумиях силящийся инстинктивно осуществить линию международных хищников; вскрыть борьбу этих двух немцев-декадентов в самосознании героя романа на фоне пестрого, самопротиворечивого быта послереволюционной Германии, в которой уже утоплен быт, в которой и авантюра — фантастика, и фантастика — лишь хищная авантюра действительности; вскрыть этого «немца» — вторая задача автора.

Здесь автор сплетает в фабуле психологическую тему и с социальной, и с авантурной. Задуманный роман автору рисуется одновременно и картиной социальной жизни, и сплетением приключений, и драмой сознания, уже не опирающегося на волю своего класса и вынужденного стать орудием международных авантюристов.

Герой романа, Эраст, рвет смолоду со своим прошлым, проходит опыт нищеты и добивается независимости как крупный писатель; мировую войну он встречает с ужасом; видя крах Германии и пережив ужасы военной жизни, он естественно соединяется с социалистами и в пылу «романтического», и только, порыва принимает участие в восстании спартаковцев². После разгрома их ему грозит тюрьма. Но пользуясь его деморализованным состоянием и желая использовать в будущем его крупный литературный талант, отец его невесты, через невесту, опутывает его паутиной интриг, в результате которых Эраст оказывается среди правого фланга социал-демократов, с лидерами которых сближает его будущий его тесть; сам не ведая того, Эраст постепенно превращается в слепое орудие агентов фашизма, имеющих определенный план: использовать его перо в одном подготовляемом ими политическом акте и даже сделать его ответственным в подготовляемом ими политическом убийстве. Поняв это из случайно им вскрытой бумаги, компрометирующей тестя, он прячется от тех, в чьи лапы попал, и живет инкогнито, все время перемещая места; тесть, крупный капиталист, и шайка, его окружающая, выслеживают Эраста, который ищет возможности передать бывшим своим союзникам-спартаковцам ему попавшийся документ; но он боится сурового суда их, как отщепенец. Ощущение двойного предательства разлагает его сознание; он — падает и оказывается среди низких и темных подонков общества; перед ним и образ гибели Германии, и бездна бреда кажущегося ему вырождающимся человечества (на самом деле — класса, его породившего); ведя двойную жизнь (созерцателя и подпольщика), он неожиданно встречает своего друга, Евстафия, немецкого ком-

муниста, с которым он сошелся еще на фронте и который его привлек к спартаковцам; Евстафий обещает реабилитировать Эраста; и чтобы он мог искупить свою вину, дает ему ряд кажущихся непонятными поручений, сводит с рядом личностей, действия которых загадочны, пока не обнаруживается, что Евстафий-то и есть настоящий предатель рабочего класса, ставший за время разлуки с Эрастом своего рода немецким Азефом³; Эраст оказывается на этот раз пойманным в лапы международной фашистской организации; но перед своим пленом он знакомится с группой немецких рабочих, открывающих ему глаза на Евстафия; и он, заражаясь их революционным пафосом, обретает веру в будущее человечества; фашисты убивают его.

Андрей Белый (Борис Бугаев)

Детское Село. 1931 года. Октября 1-го.

¹ Мысль о двух Германиях — Германии Гете и Германии Бисмарка — Белый высказывал неоднократно. Символом Германии, наследующей вековые культурные традиции, был для него Штутгарт, город в Баден-Вюртемберге, символом империалистической Германии — Берлин: «Вюртенбержцы, гейдельбержцы, в мое время — свободолюбивейшие немцы; обычно для вюртенбержца: не признавать империалистических центров Германии; и почти ненавидеть Берлин; вюртенбержцы более других немцев — “вольные философы” <...>; ни баварский католицизм, ни прусское юнкерство не имели почвы в Штутгарте; и попадая в Штутгарт, в эпоху блаженной памяти тяжелой империи, я чувствовал себя в атмосфере большого свободолюбия и вместе: в атмосфере недовольства казенным Берлином, переходящего порою в открытый ропот» (*Белый Андрей*. Воспоминания о Штейнере. Paris, 1982. С. 178).

² Имеется в виду восстание берлинских рабочих в январе 1919 г., в котором активное участие приняли члены «Союза Спартака» (1914–1918) — революционной организации левых социал-демократов, подготовившей образование Коммунистической партии Германии.

³ Азеф Евно Фишелевич (1869–1918) — один из эсеровских лидеров; провокатор, выдававший царской охранке членов боевой организации партии. Белый отмечал, что в образе провокатора Липпанченко, персонажа его романа «Петербург» (1911–1913), отразились черты личности Азефа. См. об этом: *Долгополов Л.* Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С. 204.

Впервые: Русская литература. 1974. № 1. С. 197–200.

P. S. — 2003.

Публикуя в 1974 г. план антифашистского романа Андрея Белого, мы со всей отчетливостью различали черты сходства, если не полного подобия, между немецким фашистским режимом и нашей родной советской властью и позволили себе намекнуть на это в нашей преамбуле. В контрольных инстанциях «проницательных читателей» на сей раз, к счастью, не нашлось, и пассаж о «подготовленном читателе, следившем за хроникой текущих событий», тогда смог оценить, как дружеский привет с воли, тот читатель, о котором мы думали при изготовлении этого текста, — Габриэль Суперфин, отбывавший срок в советском концлагере за редактирование «Хроники текущих событий» и другие не менее достопамятные прегрешения.